

K. Mazin

RUSSIANS ABROAD IN XVIII CENTURY: THE CASE AND DESTINY

Abstract. The article is focused on the origin of a very peculiar social and cultural phenomenon of the 18th century – Russian emigrants abroad. The author examines facts of non-motivated sojourn over a long period of

time which was connected with education, visiting health resorts, journeys and cases when Russian people found themselves abroad by vicissitude of fate.

Key words: Russian empire, emigration, Russian emigrants abroad, East Prussia, North America, Africa.

УДК 008 (470.621)

Раздольский С.А.**ТРАНСФОРМАЦИЯ АДЫГСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVI - XX вв.***

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации адыгской культуры в XVI - XX вв. Показано, как в результате обмена материальными и духовными ценностями, под влиянием синтеза культур различных цивилизаций адыгская культура подвергалась трансформации. Несмотря на эти глубинные процессы, ей удалось сформировать устойчивую периферию культурного ядра, выразившуюся в институтах, компонентах, элементах культуры, которые оказывали и оказывают влияние на ценностную ориентацию адыгского этноса в условиях глобализации.

Ключевые слова: трансформация адыгской культуры, духовные ценности, синтез культур, периферия культурного ядра.

Исследованию различных аспектов северокавказского общества посвящены работы В.А. Тишкова, Л.М. Дробижеева, С.П. Полякова, А.Ю. Шадже, Э.А. Шеуджен, Р.А. Ханаху, Ф.С. Эфендиева и других.

Проследить трансформацию адыгской культуры в XVI - XVIII веках нам позволяют культурные контакты адыгского этноса с носителями культуры соседних культур, цивилизаций.

Рассматривая проблему общекавказского культурного пространства (цивилизации, субцивилизации), мы должны иметь в виду высказанную в этнографической и культурологической литературе точку зрения о том, что две и несколько соседних культур в процессе естественно-неосознанного подражания или же на вполне осознанной рациональной основе воспринимают друг от друга некоторые элементы, приводят их в соответствие с

собственными потребностями. Общая судьба, история, схожие условия существования (в том числе природно-ландшафтные), могут обусловить образование общих черт. Так создаётся определённая общая «тональность», общий «акцент» культур одного региона, в данном случае — одной историко-этнографической области.

Северокавказский регион был заселён народами, которые в этническом отношении делились на группы. По правобережью кочевали ногайцы, делившиеся на наврузовцев, касаевцев, караногоаев. На левобережной Кубани жили западные адыги. В их состав входили абадзехи, темиргоевцы, шапсуги, хатукоевцы, бжедуги, бесленеевцы и др.

Ногайцы были представителями кочевой культуры. Об этом, в частности, свидетельствовал французский консул в Крыму М. Пейсонель: «Ногайцы - народ кочевой, они не имеют ни городов, ни сел, живут в войлочных кибитках, которые перевозят на телегах» [1].

В отличие от ногайцев, черкесы упорно отстаивали свою политическую и религиозную самобытность. Потребовалось целых два столетия, чтобы окончательно сломить их противодействие мусульманству.

Захват Приазовья турками в 1475-1479 гг. открыл им путь на Северо-Западный Кавказ. Орудием его завоевания стали татары.

Установка мусульманской культуры вступала в противоречие с культурой адыгов. Новая религия распространялась медленно и с трудом. Первыми, кто воспринял её, были адыгские дворяне.

Факты свидетельствуют о том, что западные адыги с оружием в руках отстаивали свою независимость в борьбе с турками и тата-

* © Раздольский С.А.

рами. Однако последним удалось подчинить своей власти часть адыгов. Адыги вступили в вассальные отношения с Крымом. Весной 1519 г. хан Мухаммед-Гирей писал в Москву: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать» [2].

По-видимому, адыгские князья сочли более безопасным перейти под власть Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту. Временное спокойствие, однако, обходилось им недешево: они должны были откупаться от ханов богатыми подарками и рабами, а также принять мусульманство со всеми подданными. К началу XVI в. восходит обычай преподнесения каждому вступающему на престол хану и султану определённого количества адыгских мальчиков и девочек. Следуя требованиям вассальной зависимости, западные адыги подтвердили свои обязательства при восшествии на престол хана Садег-Гирея в 1523 г. Они прислали в столицу Крыма послов и рабов [3]. И с этого момента они должны были участвовать в походах крымских ханов. Так, например, в 1521 г. черкесы вместе с татарами напали на русские земли [4].

Ориентация адыгского дворянства на Турцию была неоднозначной. Вектором развития выступал религиозный элемент культуры. Те князья, которые придерживались установок на культурные контакты с Россией, окончательно утверждаются в христианстве, а те, что ориентируются на Турцию, - в исламе.

История западных адыгов в XVI в. определялась начавшейся агрессией крымских татар и турок и установлением политических связей с Россией. Военные действия со стороны соседних цивилизаций приводили одноядерную культуру в состояние интровертности. Элементы замыкались вокруг ядра, не пропуская информацию, исходящую из компонентов самой культуры, и не направляли никакой информации к институтам культуры. Эта информация могла бы привести к началу изменения адыгской культуры.

Победа России над Казанским и Астраханским ханствами в 1552-1556 гг. сопровождалась обращением адыгских князей к русскому царю с просьбой оказать им помощь в борьбе с Крымом и Турцией. Начинается развитие русско-адыгских связей, приведших к оформлению в 1557 г. покровительства России.

В российской цивилизации государственность выступает доминантной формой социальной интеграции, задавая единый для

русского общества нормативно-ценностный порядок в качестве символической основы национального единства [5]. В результате были созданы такие механизмы социально-экономической и политической организации русского общества, которые permanently превращали страну в некое подобие военизированного лагеря с жёсткой централизацией и бюрократизацией управления, строгой социальной иерархией и дисциплиной поведения, тотальным контролем за различными сферами жизни и деятельности, «государственным» единомыслием.

История свидетельствует, что народы Северного Кавказа и России относились друг к другу с большим уважением, имели давние этнокультурные связи и обменивались материальными и духовными ценностями. Всё это способствовало формированию и развитию менталитета горских народов под влиянием синтеза культур различных цивилизаций.

Если христианско-византийский тип культуры рассматривал свою культуру как высшую и византийцы сознательно ограждали себя от иноземных влияний, то русский тип культуры порождал в русско-православном культурном архетипе черты мессианства. Эта нормативно-ценностная автаркия на уровне «коллективного бессознательного» была свойственна переселенцам, прибывавшим на Кавказ из центральной и окраинной России.

Носителями русской культуры среди колонистов Северного Кавказа были казаки. Царь Иоанн Грозный принял Терских казаков под своё покровительство и повелел им «служить свою службу государскую и беречи свою вотчину Кабардинскую».

В ходе исторического процесса переселения на Кавказ наблюдаются различные варианты межэтнических контактов, характер которых зависит, в первую очередь, от степени активности этносов. Естественно, что наиболее активные этносы пытаются полностью поглотить менее активные и малочисленные, навязывая им элементы своей культуры. Любой этнос, в том числе и русский, в активной фазе своего развития стремится овладеть как можно большим геополитическим пространством. Для этого занимаются всё новые и новые территории, заключаются политические союзы, а также распространяются собственные идеалы - политические, религиозные, экономические и т.д., которые в той или иной степени способствуют ассимиляции окружающих народов. То, насколько далеко найдут эти процессы в действительности, за-

висит лишь от степени оказываемого сопротивления и настойчивости доминирующего этноса. То есть можно сказать, что в истории господствует принцип - каждый народ достоин ровно столько места под солнцем, сколько он может удержать.

Живя на Кавказе, русский этнос сумел выработать прекрасное ментальное качество сверхнапряжённой работы, умения быстро сконцентрироваться, быстро приспособиться к природно-географическим зонам Северного Кавказа, к жизни и быту горцев.

Это возможно объяснить пассионарностью, вызванной сверхнапряжением, в котором находились колонисты. Пассионарность действительно может находить отражение в среде казачества, поскольку способность к сверхнапряжению, естественно, была присуща русскому этносу, находившемуся в стрессовой ситуации, вызванной постоянной военной обстановкой. По мнению Д.Н. Глебовского, Ю.В. Громова, С.А. Хрущева, стресс как физиологическое состояние по энергетическому смыслу, возможно, является составляющей признака пассионарности. Ведь стрессовая реакция, по определению, - это быстрая мобилизация энергетических ресурсов организма. Интересно, что стресс существенно повышает мутабельность. Показано, что выделение в организм больших доз кортикостероидов имитирует стрессовую реакцию и одновременно вызывает разрыв хромосом, повышая число хромосомных перестроек. Число хромосомных мутаций при этом увеличивается как в половых, так и в соматических клетках. Следствием мутации является появление в генотипе людей признака пассионарности, формирующего новый стереотип поведения [6].

На вопрос, какой тип культуры создавал стабильность русским колонистам Северного Кавказа, можно ответить - православный.

Высший уровень стабильности русского общества на Кавказе мог достигаться через религиозное сознание, потому что именно в нём есть твёрдое понимание того, что можно, а что нельзя. Для выживания общества необходимы были эти духовные факторы, необходимы духовно-нравственные начала, вырабатываемые, в данном случае, христианской культурой. Поэтому христианство как элемент русской культуры на Северном Кавказе часто сосредоточивало в себе основной интеллектуальный потенциал общества. Религиозные, мировоззренческие, этические системы по-своему отражали уровень и характер самосознания общества колонистов,

их уровень понимания своих исторических задач, себя как единого целого.

Отвечая на вопрос, в какой степени духовная культура как код человеческой жизнедеятельности может распространяться и проникать в ситуации, отличные от тех, в которых она первоначально сформировалась, приходим к выводу, что такое проникновение в новые ситуации происходит в ходе решения текущих жизненных конфликтов. Конфликты, если их правильно понимать, представляют собой симптомы расхождений между установившимися подходами и оценками в меняющейся ситуации.

Таким конфликтом у горцев могло быть отношение к вере отцов на фоне проникновения в их культуру христианства и ислама, привнесённых русскими переселенцами и турецкими и татарскими мурзами.

Пока религиозные группы, исповедующие традиционную религию, были небольшие, то ситуация относительно культа была проста и понятна. Эти группы в силу своего опыта бессознательно выполняли задачу закрепления в архетипе языческой формы обряда. Когда же с развитием кавказской цивилизации и в связи с проникновением христианских и мусульманских обрядов закрепление становится сложным, то появляется необходимость участия в ней людей с религиозным опытом. Таким опытом обладали русские колонисты или мусульманские священники. Но даже на этом сложном уровне закрепление веры осуществляется только с помощью группового опыта, а колонисты с религиозным опытом христианского толка могут повлиять, только если они являются участниками этого опыта. То же самое отмечается и в исламе. Происходит слияние двух религиозных опытов: религии горцев в форме синкретизма и религии христианства и ислама.

Знатные горцы, приняв православие или ислам, пытались распространить свой религиозно-инновационный опыт на соплеменников, должны были обладать высоким уровнем пассионарности, чтобы искоренить языческий культ в вопросе вероисповедания. Приняв юрисдикцию России и понимая зависимость от правящих элит, они должны были закрепить православие как доминанту веры, чтобы их подданные были для русских своими. А если эта юрисдикция исходила из Турции, то она закреплялась как доминанта мусульманского вероисповедания.

Исходя из этого, можно заключить, что в этот период трансформирующим вектором

развития адыгской культуры выступает религия. Культура в своём развитии обращается лицом либо на Восток, либо на Запад.

Рассматривая русский период христианизации Кавказа как новационное воздействие на культуры горских народов, можно сделать вывод, что любые новые идеалы могут быть восприняты этносом лишь в том случае, если они имеют точки соприкосновения с глубинными структурами сознания - этническими константами. Если же таких точек нет, то любые самые прогрессивные идеи не будут восприняты этносом, они будут восприняты лишь на короткое время, а затем отторгнуты. Так произошло с распространением христианства в культурной среде горцев. Горский этнос очень жёстко реагировал на угрозу своей картине мира. Такая реакция происходила на системном уровне, срабатывала этнопсихологическая защита от инноваций в культуру, она не зависела от воли конкретных людей. В сознании же горца необходимость участвовать в защите этнической картины мира могла быть обоснована самыми разными причинами и проявлялась в самой разнообразной форме.

Одни горские этносы, как, например, осетинский, приняли новационное воздействие русского православного христианства; это означает, что религиозный элемент после инновационных воздействий закрепился в элементе культурного ядра как традиция. Это способствовало переходу осетин на сторону России в сложный военный период истории. Другие горские этносы восприняли мусульманство как традицию своей культуры, что охарактеризовало освободительный период в истории как борьбу за свободу от неверных.

С царствования Петра русское правительство начинает расширять пределы южных границ и мало-помалу переходит к активному вмешательству в дела Северного Кавказа. Но понятно, что при враждебном отношении горцев Северного Кавказа ко всему русскому невозможно было и думать о распространении среди них русской православной культуры.

К началу XIX в. взаимодействие культур способствовало большему разнообразию человеческого опыта, а также постоянному процессу переоценки ценностей. Однако в конечном итоге это огромное разнообразие опыта, а также тот факт, что конкурирующие системы религиозных ценностей взаимно уничтожали друг друга, привели к нейтрализации религиозных ценностей вообще. В этом заключается одна из причин того, что горское

общество не могло противостоять духовному и политическому вызову, брошенному тоталитарными государствами в лице России и Турции.

Известно, что когда традиционная (народная) религия разрушается под давлением верований народов-завоевателей, этническая идентичность получает жестокий удар, если она вообще выживает. Но северокавказская - выжила.

В конце XVIII в. начинают коренным образом изменяться ценностные доминанты адыгской элиты. Это связано, прежде всего, с ценностями ядра культуры.

На этот процесс оказывает влияние механизм «ухода - возврата». Всё чаще адыгские дворяне начинают появляться при дворах турецких султанов или российских императоров. Их выбор определяется установками ценностно-религиозного вектора культуры. Адыгские дворяне пытаются воздействовать на культурные установки своих детей, посылая их знакомиться с культурой соседних цивилизаций.

В первой половине XIX в. у адыгов происходило массовое смешение и слияние различных племён, что было связано не только с процессом формирования этноса на развалинах старой родоплеменной структуры, но и с обострившейся классовой борьбой внутри отдельных феодальных владений, приводившей, в частности, к переходу крестьян из группы «аристократических» племён в группу «демократических» племён. Это приняло такой масштаб, что прежде незначительные племена шапсугов, натухайцев и абадзехов превратились в самые крупные этнические подразделения адыгов. Параллельно с ростом населения «демократических» племён происходило и увеличение занимаемых ими территорий, то и другое происходило за счёт «аристократических» племён, что весьма ослабило последних. Горские народы испытали кризис самоидентификации. Угроза потери независимости, необходимость преодоления этнической, клановой и социальной разобщённости активизировали исламизацию Северного Кавказа как интеграционного фактора.

В годы Кавказской войны фронтальное столкновение адыгской культуры с российской носило противоречивый характер. Часть горской элиты и горских обществ колебались в вопросе отношений между двумя культурами, переходя от одной оценки культуры к другой. В этот период ядро адыгской культуры приобретает качество блуждающего. Особую роль в этом процессе сыграло поражение

в Кавказской войне и мухаджирство, которое привело к этнокультурной и демографической катастрофе адыгских и некоторых других народов, тяжёлым экологическим последствиям на Кавказе.

В результате трансформации изменяется конструкт периферии ядра адыгской культуры. Чтобы сохранить ядро, культура вынуждена трансформировать такие институты, которые выступают раздражителями для русской культуры. Это институты наездничества и адата. Институт адата со временем будет функционировать как суд шариата, а наездничество трансформируется в традиционный обычай воровства невест.

После окончания Кавказской войны старшее поколение горцев, которому суждено было вести борьбу с русскими, постепенно исчезло. Новое поколение горцев росло в новых, иных условиях, в другой исторической обстановке, раны, нанесённые войной, постепенно затянулись. Условия мирного труда, мирной совместной жизни с русскими со временем примирили противоборствующие стороны. Перед кавказским духовенством поставлена была задача просвещения горцев Северного Кавказа. Происходившие на Кавказе в XIX веке культурные изменения всё больше подчинялись логике культурной коммуникации. В ценностях казачьей культуры мы видим много общего с традиционной адыгской культурой. Поэтому эти культуры на бытовом уровне общения легко сближались и трансформировались.

В начале XIX в. возникла необходимость просвещения как в Черноморском войске, так и среди адыгов. Епархиальное начальство приступило к разработке специальных программ, в которых указывалось, о чём и как говорить с коренными жителями Кавказа и православными казаками. Само собой, что эти программы не везде и не всегда выполнялись.

В конце XVIII - первой половине XIX в. культура казачества и горцев отличалась интенсивностью развития. Этот период трансформации адыгской культуры отмечен деятельностью адыгских писателей-просветителей. Исходя из насущных потребностей жизни, они стремились приобщить адыгов к русской и европейской культуре.

Деятельность адыгских писателей-просветителей многогранна: художественное творчество, создание алфавитов и учебников родного языка, запись и публикация устно-поэтических народных произведений.

Для ядра адыгской культуры двуа-

зычие играло огромную роль. В этот период язык как элемент периферии ядра культуры начинает свою трансформацию в сторону билингвизма. Билингв всегда владеет системой родного первичного языка, а второй язык используется им в различной степени в зависимости от «знаний и умений» строить высказывания на этом языке. Стремление адыгской культуры перейти в вопросе письменности на русскую графическую базу был необходим с целью облегчения приобщения адыгов к русскому письму и русской культуре.

В начале 60-х годов XIX в. русские учёные приступили к изучению горских языков Северного Кавказа. При огромном разнообразии языков на Северном Кавказе возникла необходимость в языке межэтнического общения и письменности. Таким языком и стал русский.

Русская школа не только распространила знания, но и повлияла на горские народы. Как ни чужды были элементы русской цивилизации для адыгов, но в короткое время они становятся привлекательными, ядро адыгской культуры начинает тесно взаимодействовать с русской культурой.

Таким образом, огромную и неопределимую роль в зарождении и развитии профессиональной культуры сыграла русская культура, сама Россия. Именно в стенах российских учебных заведений абсолютное большинство адыгских (черкесских) просветителей получили светское образование.

Русская культура XIX - XX вв. ставила перед собой цель через инновацию изменить существующие нормы и традиции или обеспечить возможность порождения иных традиций и норморегулирования в компонентах адыгской культуры, чтобы через них, в свою очередь, трансформировать адыгскую культуру в целом.

Одним из поворотных периодов в истории народов России и Северного Кавказа является новая эпоха, которая началась в результате Октябрьских событий 1917 г.

Двадцатый век в истории культуры многих в прошлом бесписьменных народов, в том числе адыгов (черкесов), характеризуется своего рода периодом распада синкретического сознания и образования целой системы форм общественного сознания, которая сложилась через профессиональную, «высокую» культуру. При всей противоречивости и значительных недостатках в культурном строительстве одним из главных его достижений является то, что за годы Советской власти была создана огромная армия националь-

ной интеллигенции.

В 90-е годы XX столетия адыгская культура как часть северокавказского социокультурного пространства изменилась под воздействием глобализации. Именно мозаика культур различных этносов складывается в такие понятия, как культура адыгов, культура народов Северного Кавказа, культура России, общечеловеческая культура, и это становится безусловным условием в культурной глобализации сегодняшних дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря 1750-1762. Краснодар, 1927. С. 17.
2. Сб. РИО. Т. 95. С. 635.
3. ЦГАДА. Ф-123. Д. 6. Лл. 9, 12 об., 13 об., 14 об.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. М.; Л., 1965. С. 37.
5. Культурология / под науч. ред. проф. Г.В. Драча. Ростов н/Д, 2005. С. 454.

6. О теории пассионарности Л. Гумилева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rangifer.org/gumilev/paradigma>.

S. Razdolsky

TRANSFORMATION OF ADYGHE CULTURE IN THE 16-20TH CENTURIES

Abstract. The paper examines the transformation process of Adyghe culture in the 16-20th centuries. The transformation of Adyghe culture is shown to be a result of an exchange of material and spiritual values and an influence of synthesis of cultures of various civilizations. Despite these profound processes, the Adyghe culture managed to generate a steady periphery of the cultural core expressed as institutes, components and elements of culture influencing axiological orientation of Adyghe ethnos in conditions of globalization.

Key words: transformation process of Adyghe culture, spiritual values, synthesis of cultures, periphery of the cultural core.

УДК 323.1(470)(=22)»19/20»

Шакирова А.М.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ (УММЫ) И ДУХОВЕНСТВА СРЕДНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.*

Аннотация. В статье представлено историко-политическое рассмотрение изменения политики российского правительства в отношении мусульманской общины и духовенства в течение 19-20 вв. на примере Средневожского региона. На основе исторических фактов раскрываются проблемы взаимоотношений государства и мусульманского населения изучаемого края. Результаты исследования могут быть использованы студентами, преподавателями и всеми, кто интересуется вопросами истории Симбирской и Казанской губерний.

Ключевые слова: эволюция, политика, Российское правительство, мусульманская община, умма, мусульманское духовенство, Средневожский регион.

С незапамятных времён в Российском государстве наряду с традиционной христи-

анской религией у многонационального населения необъятной страны были востребованы различные религии, в том числе ислам у мусульманского населения страны. Указ Екатерины II от 22 сентября 1788 г. об учреждении Мусульманского Духовного Собрания был первым законодательным актом, на основании которого ислам официально приобрел статус «терпимой религии» на территории Российской империи. Закон официально разрешал мусульманам повсеместное свободное отправление «их веры и богослужения по обрядам оной» [2, 9]. В это время в Российской империи управление мусульманской общиной осуществлялось местными и центральными, светскими и духовными органами власти.

По Уставу Департамента духовных дел иностранных исповеданий назначение на духовные должности во всех терпимых в Российской империи конфессиональных ор-

* © Шакирова А.М.